

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-3-313-322

ИСЛАМ В КОНСТРУИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА СОВРЕМЕННОГО ТАТАРСТАНА

Л.В. Сагитова

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
ул. Батурина, 7, Казань, Россия, 420014

Для России, как поликультурного и поликонфессионального государства, важную роль в государственном строительстве, в идентификационных процессах граждан играют этнический и религиозный факторы. Постсоветская история Российской Федерации продемонстрировала их значимость в формировании политической идентичности российских регионов, особенно в национальных республиках. Так, для многих республик с мусульманским населением ислам становится одной из важнейших составных в повседневной жизни, а для местных элит — элементом формирования политики идентичности региона.

Взятый в качестве исследовательского кейса пример Республики Татарстан призван показать факторы и стимулы актуализации религиозного фактора в жизни местного сообщества и в политической архитектуре региона. Проведенное с использованием исторического и социологического методов исследование позволяет проследить динамику проявления религиозного фактора: а) на уровне массового сознания татарского мусульманского сообщества; б) на идеологическом уровне. Последний включает деятельность политической и духовной элит региона, а также влияние внешней конъюнктуры (российская внутренняя и внешняя политика; исламская глобализация) на использование и интерпретацию исламского фактора.

Ключевые слова: этнический и религиозный факторы, реисламизация, регионализация, политика идентичности, ислам, мусульмане, религиозная идентификация, политическая элита

ПРЕДИСЛОВИЕ

Специфика российских регионов формируется действием этнокультурного и этноконфессионального факторов. Каждый из них по-своему проявлял себя в определенные периоды новейшей истории России. Так, в 1990-е гг. «волна национализмов» на постсоветском пространстве сопровождалась актуализацией этнического фактора. Начиная с 2000-х гг. его уход на периферию политических и идентификационных процессов на уровне национальных республик постепенно замещается усилением религиозной составляющей на личностном уровне людей и в жизни региональных сообществ. Названные культурные аспекты, представляя собой значимые ценности для этноконфессиональных групп, оказались в фокусе внимания политических акторов, которые используют этнический и религиозный факторы в формировании региональной политики идентичности.

Развитие регионализации в России оказалось в фокусе внимания исследователей как в связи с идентификационными, политическими и этнополитическими процессами, обновлением федеративных отношений, так и в контексте переосмысления теоретико-методологических подходов в анализе названных явлений. Актуализация этнического и религиозного факторов создала сложный социально-политический контекст, в котором проявили себя и продолжают действовать сочетания интересов: федеральной и региональных элит; социальных, этнических и этноконфессиональных групп. В этих условиях происходят формирование многоуровневой идентичности, сочетающей гражданскую, региональную, этническую, религиозную и другие ее виды. Названные процессы находят осмысление в теоретических разработках таких авторов, как В.А. Ачкасов [2], Л.М. Дробижева [3], И.С. Семенов [13], В.А. Тишков [14] и многих других. Научно-практические аспекты государственного строительства и национальной политики, значимость регионального компонента в многонациональном государстве анализируются в работах В.Ю. Зорина и М.А. Астватацуровой [1], Ю.В. Попкова [12] и др. В контексте представленной темы, связанной с политикой идентичности постсоветского Татарстана, важно отметить работы Л.М. Дробижевой и Р.Н. Мусиной, проследивших динамику и сложную взаимосвязь гражданской, региональной, этнической и религиозной идентичностей на уровне этнических и этноконфессиональных групп татарстанского сообщества в течение последней четверти века [4; 7].

В настоящей работе для нас важно выделить религиозную компоненту в динамике политики идентичности татарстанской политической элиты за прошедшие 30 лет и проследить, как ее роль менялась в зависимости от общероссийской (политика федерального Центра) и внутриреспубликанской политической конъюнктуры. Последняя формировалась под влиянием интересов мусульман Татарстана и различных групп республиканской элиты.

Актуальность исследования связана с возросшей ролью религиозности на всем постсоветском пространстве. Наряду с этим появляются новые вызовы: исламская глобализация, использование религиозного фактора международными террористическими организациями, — вызывает озабоченность политиков и научного сообщества. Названные проблемы получают отражение как в государственных программах, таких как «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», так и в экспертном дискурсе [11; 5]. Так, М.М. Мчедлова акцентирует воздействие религиозного фактора на социально-политические процессы в российском обществе, прежде всего в ценностно-нормативном и институциональном аспектах, что оказывает влияние на формирование общероссийской идентичности [11. С. 93—94].

ДРЕЙФ ОТ ЭТНИЧНОСТИ К ИСЛАМУ В ТАТАРСТАНЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Реисламизация в Татарстане начиная с 1990-х гг. сочетает как движение «снизу», со стороны простых верующих, так и «сверху» со стороны власти. Для каждого из названных акторов характерны свои интересы. Для рядовых мусульман мотивация «возвращения» в ислам была связана в первую очередь с поиском

основ новой солидарности, способной заменить разрушающуюся советскую идентичность и дать духовный оплот в сложный период социальной трансформации. Для политической элиты, формировавшей новую идентичность республики, ислам явился не только духовной исторической ценностью, но и осмысливался в инструментальном ключе — как значимый ресурс в контексте выстраивания отношений с международным сообществом (исламские страны Востока) и позиционированием региона в качестве «северного форпоста ислама» в России. Это сочетание интересов создает сложную картину целей, смыслов, стратегий и тактик, как в конструировании политического дизайна Татарстана, в стратегии управления культурой, поддержания межэтнического и межконфессионального согласия в регионе, так и в стремлении находить адекватные ответы на вновь появляющиеся вызовы.

Религиозная и этническая идентичности, будучи тесно переплетенными в идентификационной структуре поволжских татар, меняли позиции, как в иерархии ценностей их носителей, так и в поле политики постсоветского Татарстана. Соответственно, в 1990-е гг. этнический фактор являлся стержневым в политике местной элиты, направленной на решение проблем этнокультурного развития, возрождения татарского языка и на формирование новой политической идентичности региона. Подписание Договора о разграничении полномочий между РФ и РТ (1994 г.), решение этноязыковых проблем на республиканском уровне нейтрализовало болезненные темы этнокультурной сферы. Наряду с этим усиление, начиная с 2000-го года, курса федерального правительства на централизацию стимулировало отход этнического фактора на периферию политических процессов.

Новый этап сопровождается выходом на первый план ислама в региональных идентификационных процессах. Если в 1989 г. в республике было 18 мусульманских общин, то к середине 1990-х их число увеличилось до 700, к 2001 г. стало около 1000; десятилетие спустя их количество составило 1285¹. По данным ДУМ РТ 2017 г., на территории республики действуют 1430 мечетей, 9 казыятов, 48 районных мухтасибатов, 1415 зарегистрированных приходов². Положительную динамику реисламизации подтверждают данные социологических опросов. Так, если в 1980-е гг. верующими себя признавали 16% татар-сельчан, в 1990 г. — 34%; в 1994 г. — 86% сельчан; в 2011—2012 гг. — до 90% сельчан [11. С. 212]. Среди татар-горожан соответственно: в 1990 г. — 34%; в 1994 г. — 66%; в 2013 г. — 84% [7. С. 60].

В поле политики в 1990-е гг. ислам репрезентировался национальными движениями РТ как важная составляющая этнической идентичности татар³. Начиная с 2000-х гг. ислам и исламские институты приобретают все бóльшую самостоятельность. В формировании исламского дискурса в Татарстане важную роль играют

¹ Данные Совета по делам религии при Кабинете министров РТ на 2011 г.

² Данные Духовного управления мусульман РТ. Режим доступа: <http://dumrt.ru/ru/about-us/obschaya-informatsiya/>. Дата обращения: 05.06.2017.

³ По мнению экспертов, появление первых религиозных институтов в республике в «период легализации» ислама у поволжских татар — результат деятельности этих организаций. См.: [13, 162].

различные группы элит. Содержательное и идеологическое направление задает татарская интеллектуальная элита. Формируемая ею рамка соединяет этничность, религию и политику. Известный ученый-исламовед Р.М. Мухаметшин, характеризуя этап развития исламского дискурса 1990-х и начала 2000-х гг., писал о том, что татарские интеллектуалы описывали проблемы современного мусульманского сообщества в Татарстане в рамках модернизационного подхода, апеллируя к тому, что ислам, наряду с традиционными семейными ценностями, стал важнейшим элементом этнического самосознания и идеологического осмысления современной действительности в татарском сообществе [10. С. 165].

Примечательно, что легитимация религии с конца 1980-х гг. в Татарстане привела к реанимации идей «джадидизма» — реформаторского мусульманского движения татар XIX в., целью которого была адаптация ислама к условиям либерального, индустриального общества. Лидер этого интеллектуального движения, экс-советник первого Президента РТ М.Ш. Шаймиева и ученый Р.С. Хакимов, связывает значимость джадидизма для современных, вполне уже модернизированных татар с поиском их места в мировом сообществе и в поликонфессиональной России.

Идеологический смысл актуализации идей джадидизма можно выразить в нескольких аспектах. Первый из них связан с противостоянием исламскому фундаментализму, риски которого несет с собой исламская глобализация. Второй связан с функцией «культурного товара» в репрезентации татар внешнему миру: так Р. Хакимов считает, что сегодня нет каких-либо иных достижений кроме джадидизма, с которыми татарам можно было бы выходить на широкую международную арену [15. С. 21]. Мыслится, что соединение религиозного и светского в джадидизме несет в себе потенциал гармоничной интеграции татар-мусульман в российское и европейское сообщества. Тем самым подчеркивается и специфика исторического развития татар от закрытой мусульманской общины — к модернизированной, высокоразвитой нации, открытой для коммуникации с максимально возможным спектром стран и народов. Третий аспект связан с ролью татар и, соответственно, Татарстана в качестве региона-посредника с мусульманским Востоком в контексте внешнеполитических связей России, что особенно актуально в обстановке напряженности со странами Запада в последние годы.

Приведенный дискурс современных татарских интеллектуалов характерен в большей мере для ее светских представителей, социализировавшихся в условиях советского атеизма. Другая часть татарской интеллигенции, глубоко включенная в мусульманское сообщество, не разделяет интерпретации джадидизма в качестве «татарского ислама» и говорит о неправомерности такого подхода, особенно в контексте возрождения национальных исламских традиций. Ее представители акцентируют модернизационную ипостась реформаторского течения, говоря о том, что для татарской интеллигенции и национальной буржуазии джадидизм всегда был не «прогрессивным исламом», а интеллектуальной и идеологической силой, способной вывести татарское общество на более современный этап развития⁴.

⁴ Рафик Мухаметшин: «Мы должны воссоздать свою богословскую школу». Режим доступа: <http://kazanru.ru/news/1409/>. Дата обращения: 15.06.2017.

Однако именно светская интерпретация ислама в качестве «джадидизма» была использована властной элитой в формировании современного имиджа Татарстана. «Мирный характер татарского ислама», «паритетность сосуществования христианства и ислама на территории республики», — идеологемы, которые можно интерпретировать как хорошо продающийся «товар» на внутреннем и внешнем рынке. Особую популярность в дискурсе власти у татарских интеллектуалов приобрела метафора: «Татары — „передаточное звено“, или „мост“ между Западом и Востоком». Эти формулы декларируются официальной властью республики в качестве основы стратегии развития поликонфессиональной территории. Декларируемая таким образом идентичность и стратегия развития республики позволяет эффективно расширять круг потенциальных партнеров на международной арене и выстраивать экономическое и культурное взаимодействие; формировать символический капитал на российском и международном уровнях и успешно лавировать в постоянно меняющейся политической конъюнктуре международных отношений, в которые включена Россия.

ИСЛАМСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ РИСКОВ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА

Наряду с тем, что ислам является для региональной власти одной из базовых составляющих идентичности региона, он связан и с рисками, формируемыми исламской глобализацией, которые могут привести к нивелированию и утрате исторически сложившейся исламской теологической традиции татар; внести раскол в мусульманскую умму Татарстана, а также привести к формированию мусульманских сект экстремистской направленности.

В данном контексте важно иметь в виду, что реальные последствия политики в религиозной сфере во многом зависят от представлений и ориентаций политической элиты и татарского духовенства. Так, властная элита республики связывала процесс реисламизации с возвращением «татарского ислама», возвращением в общество исторически сложившихся в регионе традиций и ценностей, которые в течение многих веков способствовали формированию приемлемых для поликультурного общества внутриконфессиональных и межконфессиональных отношений [9. С. 2]. Руководство ДУМ РТ больше склонялось к арабизированной версии ислама. Эта разновекторность проблематизировалась властью: в 2009 г. Президент РТ М.Ш. Шаймиев отмечал: «Процесс возвращения традиций в татарское общество пока не стал духовно консолидирующим фактором. Напротив, мы видим, что в отношении к традициям поляризация представлений все больше и больше углубляется» [9. С. 3].

Стремление нейтрализовать поляризацию внутри мусульманской уммы в республике и устранить влияние салафитских течений стимулировало руководство республики, в союзе с духовенством и исламскими интеллектуалами, озаботиться проблемой подготовки своих, ориентированных на татарское исламское наследие духовных кадров. Замещение местных имамов зарубежными наставниками — логическое следствие 70-летней политики атеизма, уничтожившей институцио-

нальную систему ислама в России. Именно это обстоятельство играет ключевую роль в усилении влияния исламской глобализации. Уже во второй половине 1990-х гг. мусульманское сообщество Татарстана и региональная власть стали воспринимать дефицит духовных кадров как проблему. Наличие исламских медресе не решало вопрос их дефицита и качества, поэтому в 1998 г. в Казани был открыт Казанский исламский университет (с 2009 г. — Российский исламский институт, РИИ), а в 2017 г. при активном участии региональной и федеральной власти была открыта Булгарская исламская академия (БИА). БИА позиционируется политической и духовной мусульманской элитами в качестве центра возрождения татарской теологической школы в противовес традициям зарубежных исламских центров. Их апелляция к кураторской роли Президента РФ В.В. Путина в отношении БИА выступает в качестве идеологического ориентира образовательного заведения: Президент РТ Р.Н. Минниханов, выражая благодарность главе государства, отметил, что «когда была озвучена идея создания исламской академии (В.В. Путин — Л.С.) не только ее одобрил, он ее постоянно контролирует». Муфтий ДУМ РТ К. Самигуллин, подчеркивая роль дореволюционных татарских богословов в исламских странах, рассчитывает на восстановление поволжской теологической традиции.

Помимо интенции к возрождению отечественного исламского богословия учреждение БИА содержит геополитическую прагматику. В контексте западных санкций разворот России на Восток подкрепляется установлением культурных и экономических связей с исламскими странами. Татарстан в данной конъюнктуре играет роль влиятельного посредника в качестве региона с мусульманской составляющей. Так, на Всероссийском Форуме татарских религиозных деятелей «Национальная самобытность и религия» (2017 г.) Президент РТ, обращаясь к имамам татарских регионов России, подчеркнул: «Вы в своих регионах ведете работу по сохранению татарского языка, религии, народа, мы у себя ведем большую работу по налаживанию связей с арабским миром», подчеркнув при этом, что в эти дни завершилось заседание Стратегической комиссии «Россия — исламский мир»⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рост религиозного сознания в условиях девальвации советской идеологии среди населения Татарстана, поиск легитимного основания в формировании региональной идентичности в политическом пространстве новой России заставили политическую элиту республики обратиться к культурным маркерам в качестве основы региональной идентичности. При этом татарстанская власть показала себя умелым регулятором процесса реисламизации, когда стихийности процесса были противопоставлены контроль за мусульманскими общинами, участие в управлении их деятельностью посредством кадровой политики и организация контролируемого исламского образования. Говоря о факторах влияния на элиту, важно

⁵ «Иншалла, из этой академии выйдут новые ученые, она станет минбаром единения». Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/346457>. Дата обращения: 22.06.2017.

отметить, что региональные управленцы взаимодействуют со всеми включенными в этот процесс группами элит: федеральные чиновники, научная и мусульманская интеллигенция, мусульманское духовенство, силовые структуры. При этом исламский фактор умело используется ею в качестве товара для внешнего и внутреннего рынка. Позиционирование культурной отличительности региона как части тюркского и исламского мира повышает ее ставки на уровне федерального центра в качестве «компетентного» и «своего» для исламских стран посредника в налаживании взаимодействия между Россией и Востоком.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Аствацатурова М.А., Зорин В.Ю.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: институциональный и инфраструктурный аспекты // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 263. М., 2018. 57 с.
- [2] *Ачкасов В.А.* Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2012. 232 с.
- [3] *Дробижева Л.М.* Новые концептуальные подходы к изучению идентичности: взгляд через призму социальной практики // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 34—39.
- [4] *Дробижева Л.М.* Российская и этнорегиональная идентичности в Татарстане от 1990-х ко второму десятилетию XXI в. // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 65—69.
- [5] *Кашаф Ш.Р.* Вызовы национальной идентичности: мусульманский ответ, российский случай // Власть. 2015. № 4. С. 107—115.
- [6] *Мусина Р.Н.* Ислам и мусульмане в современном Татарстане // Ислам в татарском мире: история и современность (Материалы международного симпозиума, Казань 29 апреля 1 мая 1996 г.). Казань, 1997. С. 211—219.
- [7] *Мусина Р.Н.* Религиозное возрождение у татар Татарстана: идентичность, религиозные практики, этноконфессиональные ценности и установки // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность / Рук. проекта и отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань: Изд-во «Артифакт», 2014. 348 с.
- [8] *Мусина Р.Н.* Религиозное возрождение, этноконфессиональные отношения и проблемы интеграции общества: пример Татарстана // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 107—139.
- [9] *Мухаметшин Р.М.* Внутриконфессиональные разногласия в мусульманском сообществе современного Татарстана / Рукопись доклада на Круглом столе «Ислам в условиях глобализации: российский и мировой контексты» 19 октября 2012, Казань. С. 2—3.
- [10] *Мухаметшин Р.М.* Татары и ислам в XX веке. Казань: Изд-во «Фэн», 2003. 303 с.
- [11] *Мчедлова М.М.* Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // Ислам в современном мире. 2015. № 11(1). С. 93—102. DOI: 10.22311/2074-1529-2015-11-1-3-7.
- [12] *Попков Ю.В.* Национальная политика в России: целевые установки и региональные модели // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 39—44.
- [13] *Семенов И.С.* Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое изда-

ние / Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 102—114.

- [14] Тишков В.А. Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 331—350.
- [15] Хакимов Р. Кто ты, татарин? Казань, 2002. С. 21.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-3-313-322

ISLAM IN THE CONSTRUCTION OF THE REGIONAL POLITICAL DESIGN OF CONTEMPORARY TATARSTAN

L.V. Sagitova

Sh. Marjani Institute of History
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Baturina str., 7, Kazan, Russian Federation, 420014

Abstract. For Russia, as a multicultural and multi-confessional state, ethnic and religious factors play an important role in state building and identity formation of its citizens. The post-Soviet history of the Russian Federation has demonstrated their importance in shaping the political identity of Russian regions, especially in the national republics. Thus, for many republics with Muslim population, Islam becomes one of the most important components of everyday life, while for the local elites it is an element of formation of the region's identity policy.

The case study of the Republic of Tatarstan is intended to show the factors and incentives for the actualization of the religious factor in the life of the local community and in the political structure of the region. The research, conducted with the help of historical and sociological methods, traces the dynamics of the religious factor: a) at the level of mass consciousness of the Tatar Muslim community; b) at the ideological level. The latter includes the activities of the political and spiritual elites of the region, as well as external influences (Russian domestic and foreign policy, Islamic globalization) on the use and interpretation of the Islamic factor.

Key words: ethnic and religious factors, re-Islamization, regionalization, identity politics, Islam, Muslims, religious identification, political elite

REFERENCES

- [1] Astvatacurova M.A., Zorin V.Y. Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii: inststucional'nyj i infrastrukturnyj aspekty. *Issledovaniya po prikladnoj i neotloznoj etnologii*; 263 [Strategy of National Government Policy of the Russian Federation: Institutional and Infrastructural Aspects. *Studies in Applied and Urgent Ethnology*; 263]. Moscow; 2018. 57 p. (In Russ.).
- [2] Achkasov V.A. *Politika identichnosti mul'tiehtnichnyh gosudarstv v kontekste resheniya problemy bezopasnosti* [Identity Policy of Multiethnic States in the Context of Security Problem]. Saint-Petersburg: Publishing House of Saint-Petersburg University; 2012. 232 p. (In Russ.).
- [3] Drobizheva L.M. Novye konceptual'nye podkhody k izucheniju identichnosti: vzglyad cherez prizmu social'noj praktiki. *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra* [New Conceptual Approaches to Identity Studies: Look through the Lens of Social Practice. Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow]. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya; 2013: 34—39 (In Russ.).

- [4] Drobizheva L.M. Rossijskaya I etnoregional'naya identichnosty v Tatarstane ot 1990-kh ko vtoromu desyatiletiju XXI v. *Grazhdanskaya, etnicheskaya I regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra* [Russian and Ethno-Regional Identity in Tatarstan from the 1990s to the Second Decade of 20th Century. *Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow*]. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya; 2013: 65—69 (In Russ.).
- [5] Kashaf Sh.R. Vyzovy nacional'noy identichnosty: musul'manskij otvet, rossijskij sluchaj [Challenges of National Identity: a Muslim Answer, a Russian Case]. *Vlast'*. 2015; 4: 107—115 (In Russ.).
- [6] Musina R.N. Islam I musul'mane v sovremennom Tatarstane. *Islam v tatarskom mire: istoriya i sovremennost' (Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma, Kazan, 1 may, 1996)* [Islam and Muslims in Modern Tatarstan. Islam in the Tartar World: History and Modern Times (Materials of International Symposium, Kazan, April 29 — May 1, 1996)]. Kazan; 1997: 211—219 (In Russ.).
- [7] Musina R.N. Religioznoe vozrozhdenie u tatar Tatarstana: identichnost', religioznye praktiki, etnokonfessional'nye ustanovki. *Tatary I Islam v regionakh Rossijskoj Federacii: religioznoe vozrozhdenie I etnichnost'* [Religious Rebirth of the Tartars in Tatarstan: Identity, Spiritual Practices, Ethnic-Confessional Values and Orientations. *Tartars and Islam in the Regions of the Russian Federation: Religious Rebirth and Ethnicity*]. Ed. by R.N. Musina. Kazan: Izd-vo "Artifakt"; 2014. 348 p. (In Russ.).
- [8] Musina R.N. Religioznoe vozrozhdenie, etnokonfessional'nye otnosheniya i problem integracii obshestva: primer Tatarstana. *Grazhdanskaya, etnicheskaya I regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra* [Religious Rebirth, Ethnoconfessional Relations and Problems of Society Integration: the Example of Tatarstan. *Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow*]. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya; 2013: 107—139 (In Russ.).
- [9] Muhametshin R.M. *Vnutrikonfessional'nye raznoglasiya v musul'manskom soobshchestve sovremennogo Tatarstana. Rukopis' doklada na Kruglom stole "Islam v usloviyah globalizacii: rossijskij i mirovoj konteksty"* [Intra-Confessional Differences in the Muslim Community of Modern Tatarstan. The Manuscript of the Report at the Round Table "Islam in the Context of Globalization: Russian and World Contexts" October 19, 2012]. Kazan; 2010: 2—3 (In Russ.).
- [10] Mukhametshin R.M. *Tatary I Islam v XX veke* [Tartars and Islam in the 20th Century]. Kazan: Izd-vo "Fan"; 2003. 303 p. (In Russ.).
- [11] Mchedlova M.M. Islam I edinstvo rossijskogo obshestva: sovremennost' i istoricheskij opyt [Islam and Solidarity of Russian Society: Modern Times and Historical Experience]. *Islam v sovremennom mire*. 2015; 11(1): 93—102. DOI: 10.22311/2074-1529-2015-11-1-3-7 (In Russ.).
- [12] Popkov Y.V. Nacional'naya politika v Rossii: celevye ustanovki I regional'nye modeli [National Policy in Russia: Targets and Regional Models]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2015; 4: 39—44 (In Russ.).
- [13] Semenenko I.S. Politika identichnosty v usloviyakh etnokul'turnogo mnogoobraziya: Novaya povestka dnya. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie* [Identity Policy under the Conditions of Ethno Cultural Diversity: New Agenda. *Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition*]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves' Mir; 2017: 102—114 (In Russ.).
- [14] Tishkov V.A. Teoriya i praktika mnogokul'turnosti. *Mul'tikul'turalizm i transformaciya postsovetskikh obshestv* [Theory and Practice of Multiculturalism. *Multiculturalism and Transformation of Post-Soviet Societies*]. Moscow; 2002: 331—350 (In Russ.).
- [15] Khakimov R. *Kto ty tatarin?* [Who are you, a Tartar?]. Kazan; 2002: 21. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Сагитова Лилия Варисовна — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований Института Истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (e-mail: liliya_sagitova@mail.ru).

Information about the author:

Sagitova Lilia Varisovna — PhD, Leading Researcher of the Department of Ethnology of Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (e-mail: liliya_sagitova@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 19.07.2018.
Received 19.07.2018.

© Сагитова Л.В., 2018.